

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
ТИШАЙШИЙ

Сергей Соловьев

**История России. Алексей
Михайлович Тишайший**

«Просвещение»

Соловьев С. М.

История России. Алексей Михайлович Тишайший /
С. М. Соловьев — «Просвещение»,

Сергей Михайлович Соловьев – один из самых выдающихся и плодотворных историков дореволюционной России. Его 29-томное исследование «История России с древнейших времен» – это не просто достойный вклад в сокровищницу отечественной и мировой исторической мысли, это практически подвиг ученого, равного которому не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после. Книга «Алексей Михайлович Тишайший» рассказывает о положении церкви в Западной и Восточной России в XVII веке и о русско-польской войне 1654–1667 годов. Это подарочное иллюстрированное издание будет интересно не только историкам, но и широким кругам читателей.

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

С. М. Соловьев Алексей Михайлович Тишайший

В целях содействия изучению истории книга рекомендована Российским военно-историческим обществом

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том десятый. Текст приводится в сокращении

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2014

Глава первая

Состояние западной России в конце XVI и в первой половине XVII века

Значение религиозной борьбы в Восточной Европе. – Мысль об унии. – Иезуиты: Скарга и Поссевин. – Западнорусские архиереи, аристократия, братства. – Поведение архиереев во Владимире, Луцке, Львове. – Братство Львовское. – Приезд константинопольского патриарха Иеремии в Западную Россию. – Киевский митрополит Онисифор; его свержение и поставление Михаила Рагозы. – Экзарх Терлецкий. – Смуты вследствие распоряжений Иеремии. – Брестский собор 1590 года. – Разрыв Терлецкого с князем Острожским; печальное его положение. – Терлецкий начинает дело об унии. – Переписка Львовского братства с константинопольским патриархом. – Ипатий Потей, епископ владимирский; письмо к нему князя Острожского об унии. – Терлецкий и Потей действуют заодно в пользу унии. – Брестский собор 1594 года. – Поведение Рагозы относительно унии; переписка его с Скуминьим. – Переписка князя Острожского с Потеем. – Окружное послание князя Острожского против епископов. – Львовский епископ Балабан отделяется от Терлецкого и Потей, которые отправляются в Рим и от имени всего духовенства западнорусского признают папу главою церкви. – Король старается поддержать дело Терлецкого и Потей на Руси. – Брестский собор 1596 года. – Разделение западнорусской церкви на православную и униатскую и борьба между ними. – Послание Иоанна Вишенского. – Стефан Зизаний и сочинения, против него направленные. – Полемика по поводу Брестского собора. – Апокризис и его основные положения; Перестрога. – Король в окружной грамоте излагает свой взгляд на Брестский собор. – Движение козаков: Косинский и Наливайко. – Дело патриаршего экзарха Никифора. – Переписка князя Острожского с папою. – Православные требуют к суду епископов-униатов. – Попытка православных соединиться с протестантами, чтоб вместе защищаться от католиков. – Потей назначен митрополитом после Рагозы и старается исторически доказать законность унии. – Мелетий Смотрицкий и его сочинения. – Речь депутата Древинского на сейме. – Поставление православных архиереев и Советование о благочестии. – Усиление борьбы вследствие поставления православных архиереев. – Иосафат Кунцевич и письмо к нему Льва Сапегы. – Убиение Кунцевича. – Послание папы против православных. – Наказание жителям Витебска за смерть Кунцевича. – Козаки. – Гетман Сагайдачный. – Сочинение Пальчевского о козаках. – Митрополит Иов Борецкий поднимает козаков на защиту православия. – Обращение Иова к Москве. – Торжество поляков над козаками и комиссия на Медвежьих Лозах. – Похождения искателя турецкого престола Александра Ахии. – Восстание козаков под начальством Тараса. – Кисель и его отношения к козакам. – Восстание Павлика и Скидана. – Восстание Остринина и Гуни. – Киевская школа. – Луцкое братство и школа. – Петр Могила. – Отступление Смотрицкого от православия. – Смерть Сигизмунда III. – Требования козаков. – Королевич Владислав старается уладить дело между православными и униатами. – Продолжение полемики между ними. –

Петр Могила митрополит и его поведение. – Продолжение гонения на православных. – Переселение в Московское государство.

И. Эггинк. Великий князь Владимир избирает религию. 1822 г. Фрагмент

В самом начале нашей истории мы заметили, что Россия не имеет резких природных границ ни на западе, ни на востоке, и таким образом природа дала русским людям мало помощи при утверждении их народной самостоятельности. Но зато скоро история дала им для этого могущественное средство: Русь приняла христианство, и христианство по восточному испо-

веданию. Христианство провело резкую черту между русским человеком и соседом его на Востоке, азиатцем, бусурманом, поганым. Христианство запечатлело русского человека окончательно и твердо европейским характером; но, с другой стороны, между русским и соседями их на западе, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также резкая нравственная граница, вследствие различия восточного исповедания, принятого русскими, от римского исповедания, к которому принадлежали западные европейские народы. Религиозное различие, которое так могущественно действует в юном народе, составляя обыкновенно в его понятиях основу деления на наших и ненаших, – это религиозное различие взяло под свою опеку младенчающую, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востоке борьба с иноверными азиатскими варварами велась постоянно под религиозным знаменем, с религиозным одушевлением; а когда в начале XVII века растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религиозное одушевление, сознание религиозного различия подняло русских людей против польских и литовских людей, заставило их выбрать царя из своих и тем утвердить самостоятельность государства.

Обозревши Смутное время и восстановление спокойствия и самостоятельности Московского государства, Восточной России в царствование Михаила, мы должны обратить теперь наше внимание на Россию Западную, где шла также религиозная борьба, в решении которой должен был принять участие преемник Михайлов. Мы видели, что Западная Россия, вследствие известных недостатков своего государственного развития, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть к более сильному государству, Литовскому, а потом, при посредстве Литвы, соединилась и с Польшею. Мы видели также, что на первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягяйле и некоторых его преемниках польские католики давали себе волю увлекаться религиозною ревностью и теснить восточное русское исповедание. Мы видели, как уже давно подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единой Восточной России. Но до второй половины XVI века попытки эти распространить католицизм между русскими людьми мерами насилия или, но крайней мере, заставить их соединиться с католиками в учении веры, оставаясь при своих прежних богослужебных обрядах и языке богослужебном – попытки эти не были постоянны и сильны, и с течением времени ослабевали все более и более, во-первых, потому, что Ягеллоны хлопотали более всего о тесном неразрывном соединении Литвы и Руси с Польшею посредством уравнивания гражданских прав для народонаселения всех этих стран; но Ягеллоны хорошо понимали, что если бы при этом они воздвигли гонения на русскую веру, стали принуждать русских к унии с католиками, то цель их не была бы достигнута: таким образом, с усилением стремления к унии гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабевать попытки к унии церковной, которая могла быть введена между русскими только путем насилия. Во-вторых, католическая ревность очень ослабела во времена перед реформацией, а Ягеллоны всего менее были способны возбуждать эту ревность; следовательно, и поэтому уже попытки к унии должны были прекратиться, и действительно, мысль о ней совершенно исчезла в половине XVI века.

Что же переменяло этот ход дел, так выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гонение на веру своих русских подданных? А это, разумеется, должно было повести к тому же, что мы видели и прежде в подобных обстоятельствах: к отторжению русских областей от Польши и к присоединению их к Восточной России.

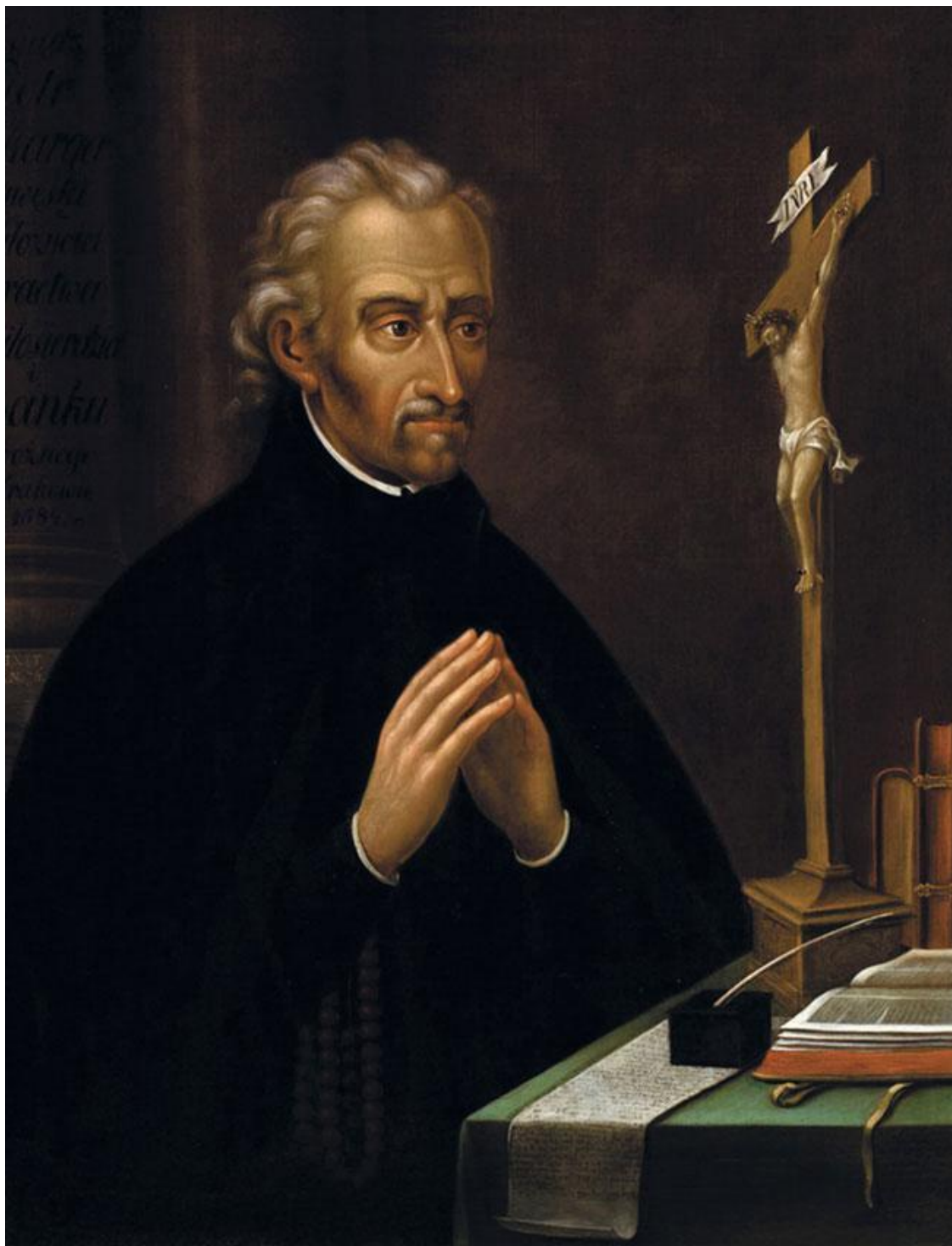
Наша древняя история имеет более связи с общим ходом европейских событий, чем это кажется с первого взгляда. Великий религиозный вопрос, религиозная борьба, поднятая в Западной Европе реформою Лютера, имела сильное влияние и на судьбы Восточной Европы – судьбы нашего отечества. Великие события XVII века, как на западе, так и на востоке Европы,

совершаются под влиянием религиозных вопросов, религиозной борьбы. На западе с католицизмом борется протестантизм, и вследствие этой борьбы происходит окончательное освобождение и определение народностей, стянутых, закованных до того времени римско-католическими стремлениями к материальному единству; на востоке с католицизмом борется восточное исповедание, охраняющее самостоятельность и народность русского и других восточных славянских племен, и между этими борьбами на востоке и на западе тесная связь. Учение Лютера и его разветвления, как мы видели, быстро распространились в польских владениях; как везде, так и здесь, католицизм, обнаруживая сильное противодействие врагу, выставил свое знаменитое ополчение – иезуитов. Иезуиты благодаря своим ловким приемам осилили протестантизм, большой и слабый разделением; но, осилив протестантизм, иезуиты немедленно обратили внимание на более опасного врага – на старинное, пустившее в народе глубокие корни, исповедание восточное, или русское: против него направлены были теперь усилия иезуитов; против него возбужден ими фанатизм католического народонаселения, против него, но их внушениям, действует правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса, думающее или, по крайней мере, желающее других заставить думать, что уния церковная скрепит унию государственную: надежда основательная только в том случае, если бы эта уния совершилась спокойно, без насилия. Против русской веры направлены иезуитами беспокойные силы школьной молодежи: против нее говорят они проповеди и пишут ученые рассуждения, против нее действуют они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

В 1577 году знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу: *О единстве Церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении*. Две первые части посвящены догматическим и историческим исследованиям о разделении церквей; в третьей части, особенно для нас любопытной, автор говорит, что есть три причины, вследствие которых в русской церкви никогда порядка не будет: 1) женитьба священников, которые пекутся только о мирском, не заботятся о поучении паствы: от этого на Руси вся наука упала и паны омужичились (zchlopieli); 2) язык славянский: греки обманули русских тем, что не дали им своего языка, но оставили язык славянский, чтобы русский народ никогда до настоящего разумения и науки не дошел, ибо только посредством латинского и греческого языков можно быть доскональным в науке и вере. Не было еще на свете и не будет ни одной академии или коллегии, где бы богословие, философия и другие науки на ином языке преподаваться и разумеяться могли. С помощью славянского языка никогда никто ученым быть не может, этого языка уже теперь в сущности никто настоящим образом не понимает; нет на свете нации, которая бы им говорила так, как в книгах пишется; своих правил и грамматик он не имеет и иметь не может. У вас, русских, и не слышать о таких людях, которые бы знали греческий язык, старый и новый, а у нас по всему свету одна вера и один язык: христианин из Индии с поляком может говорить о Боге; 3) унижение духовного сословия, вмешательство светских людей в дела церковные. Скарга прямо говорит об унии, указывает на духовные и мирские выгоды от нее; для унии, по его словам, нужны только три вещи: 1) чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, но от папы; 2) чтоб каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римскою церковью; 3) чтоб признавал верховную власть столицы Римской; что же касается до обрядов церковных, то они остаются по-прежнему. Ту же книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III. Здесь автор говорит, что книжки его многим принесли пользу, многим открыли глаза, и требуется новое издание их; книжек этих уже нет в продаже: скупил их богатая Русь и сожгла. «Дай Боже, – говорит Скарга, – соединить всех еретиков, которых уже не очень много остается, и каждый бы день их убывало, если бы светская власть могла свободно пользоваться своим могуществом и нравами. Труднее обратить русских, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляет более того средства, которым прежние короли содействовали обращению русских в католицизм, именно, не допускали их в сенат, прежде чем обратятся. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин,

не успевши обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в Западной России, просил о заведении училищ для русских и в Риме и в Вильно: по его мнению, только обративши в латинство Западную Россию, можно было привести к тому же Восточную, или Московскую.

Иезуиты указали на унию, как на переходное состояние, необходимое для упорных в своей старой вере русских. Прямо указаны были и средства к унии, средства насильственные: лишение выгод за упорство в отцовской вере. Что иезуиты смотрели на унию только как на переходное состояние, видно из того же сочинения Скарги, который выставляет на вид пользу от единства богослужбного и ученого языка, тогда как при унии у русских оставался богослужбный язык славянский, а против него так вооружается Скарга. В то время, когда европейские народы, возросши, выпутывались из средневековых пеленок католического, латинского единства, чтобы с помощью родных языков развить свои народности, в то время иезуиты делали дерзкий вызов истории, утверждая, что не будет на свете такой академии или коллегии, где бы науки преподавались на иных языках, кроме латинского и греческого. Против такого отягивающего европейское человечество назад начала, осуждающего его на вечную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россия – борьбу за веру и народность. Но где же были у нее средства для успешного окончания этой борьбы?

Неизвестный художник. Петр Скарга. XVII в.

Мы видели уже, что во второй половине XVI века западнорусская церковь находилась далеко не в завидном положении. Правительство, принадлежавшее к другому исповеданию, по меньшей мере равнодушно, не могло быть внимательно к ее интересам, любило кормить ее хлебом своих, а не ее служителей, отдавать не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям, из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности: отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок

просвещения. Но если государство становилось во враждебные отношения к западнорусской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этим самым вызывало к деятельности начало общественное. Что Скарга считал бедствием для русской церкви, именно вмешательство светских людей в дела церковные, то было необходимо и спасительно для нее: правительство не заботилось о церкви, архиерейство ослабевало – общество должно было принять к сердцу высший интерес свой и обнаружить сильное влияние на дела церковные. Но какие же средства имело западнорусское общество к обнаружению этого влияния, какие силы были в нем, какие соединения сил, союзы? Западнорусское общество в описываемое время представляет нам сильную аристократию, богатые могущественные роды; из них некоторые вели свое происхождение от Рюрика и Гедимины; от них, особенно в начале, русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видели деятельность князя Константина Острожского, видели также, какую помощь русской церкви в борьбе ее с католицизмом оказал московский выходец, князь Курбский с товарищами. Но потом аристократия западнорусская начала ослабевать в стремлении своем поддерживать русскую веру и народность; средоточие ее деятельности было не на Руси, а в Короне Польской, при дворе, в сенате; аристократия русская составляла часть целой аристократии польской и стремилась приравняться к целому; интересы русские были для нее интересами провинциальными, и потому она скоро охладевает к ним, как ниже ее стоящим; старики еще крепко держались родной старины, но молодые, выхваченные из родной старинной обстановки воспитанием, браками, службою, легко отвыкали от своего. Но если знатные паны, оказавшие вначале так много помощи русской вере и народности, ослабели впоследствии, то не слабело среднее сословие, городское народонаселение, благодаря крепким частным союзам, среди него образовавшимся, благодаря знаменитым братствам. Мы видели, что братства или братчины, общие всем областям русским, как восточным, так и западным, приобрели особенное значение в общинах более самостоятельных и развитых, следовательно, имели большее значение в Новгороде и Пскове, чем в городах низовых, имели большее значение в городах Западной, Литовской России, где старые общинные формы получили точнейшее определение и скрепление благодаря магдебургскому праву, где цеховое устройство особенно содействовало развитию братчин или братств.

Кроме этой крепкой основы для общей, дружной деятельности, городское сословие, мещанство и потому могло сильнее бороться за веру и народность, что сфера его была теснее, чем у аристократии; сильнее были у мещан местные провинциальные привязанности, ибо не забудем, что русские привязанности были провинциальные в Речи Посполитой Польской; понятно, следовательно, почему мещанские братства, коренившиеся на цеховом устройстве, явились средоточием, к которому стягивалась и шляхта во время борьбы за веру; за братство, за эти крепкие союзы, выработанные городским бытом Западной России, всего сильнее запнулись иезуиты с своею униєю.

Итак, сначала посредством аристократии, потом особенно посредством братств, западнорусское общество боролось за свою веру и народность, против могущественных врагов, поддерживаемых государством: посредством аристократии и братств русское общество имело влияние на дела церковные. Мы видели, что Скарга, с своей точки зрения, видел в этом влиянии мирских людей бедствие для церкви. С такой же точки зрения начали смотреть на дело и некоторые епископы русские, которым более других было тяжело это влияние; но понятно, что, усвоивши себе раз эту точку зрения, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т. е. самих себя, от этого вмешательства, успокоить церковь, дать ей внешнее благосостояние, легко признавали необходимость и законность унии.

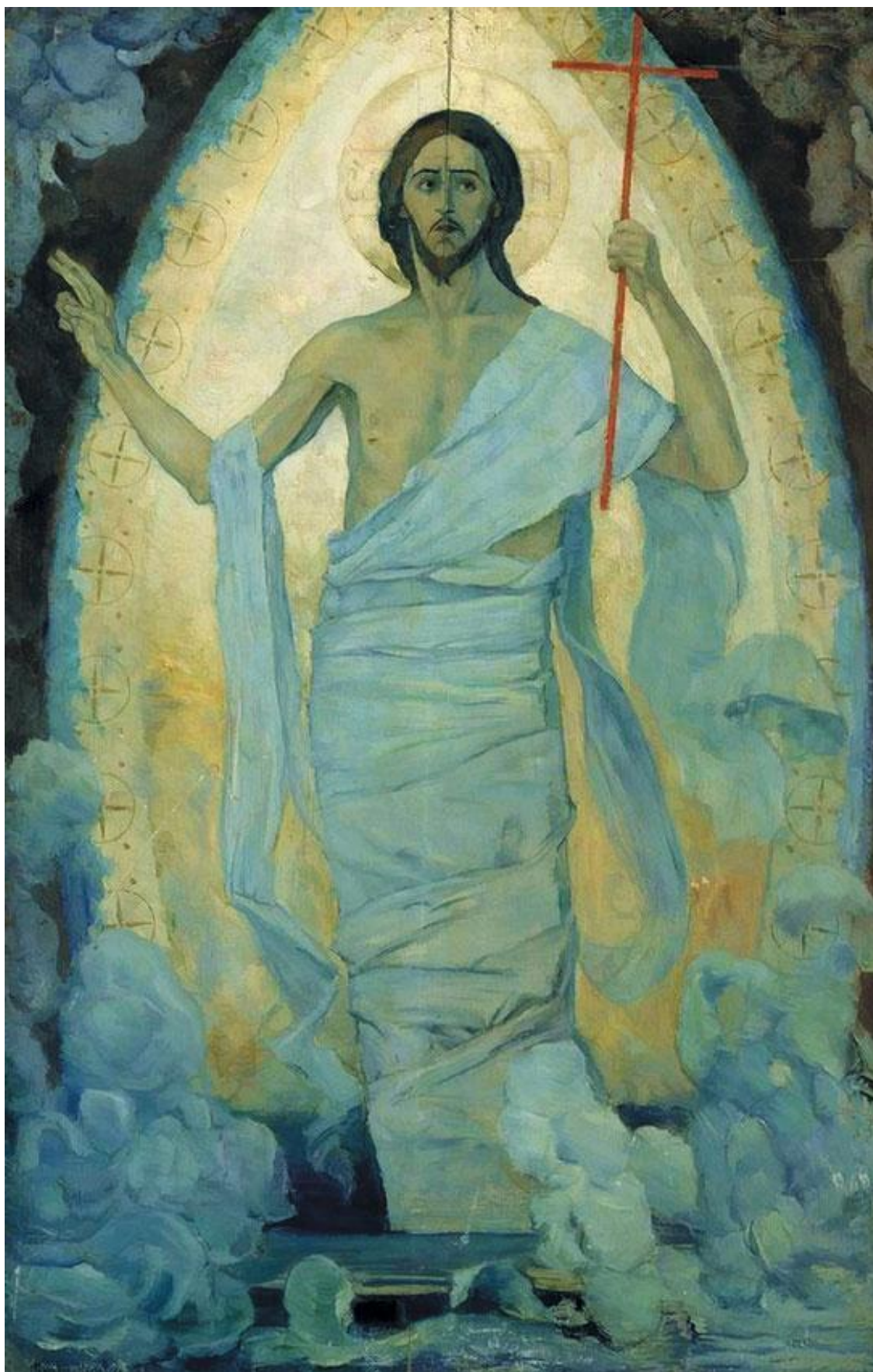
Чтоб иметь понятие о состоянии западнорусской иерархии в описываемое время, взглянем на состояние значительнейших здесь епархий. Некоторые западнорусские епископии богатством своих земельных владений превосходили восточные: епископии владимирской (на Волыни) принадлежали: укрепленный замок в городе Владимире и несколько дворов, местечко

Квасов, шестнадцать селений в поветах Луцком и Владимирском, волость Купетовская, заключающая в себе местечко Озераны, одиннадцать селений и рыбных ловель, остров Волослав на реке Луге, на котором находился монастырь св. Онуфрия. Епископии луцкой и острожской принадлежали четыре местечка и тридцать четыре селения в поветах Луцком и Владимирском, из них местечки Хорлуп и Жабче были защищены укрепленными замками, с пушками, гаковницами и другим огнестрельным оружием. Легко понять, что такие доходные места, дававшие важное значение и обильное кормление, были предметом искания для многих мирских знатных лиц, которые, добившись их с помощью светской власти, не покидали своих мирских привычек, да и трудно им было покинуть их, если бы даже хотели. Мы видели состояние Польши в описываемое время, видели своеволие сильных, презрение законов, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даром же епископские замки были укреплены и вооружены артиллерией; частые столкновения с жадными, сильными и своевольными соседями, иноверцами и потому не поставлявшими за грех поживиться на счет имений схизматического епископа, заставляли последнего беспрестанно являться в суды, обвинять и защищаться, и потому, вместо молитвы и приготовления поучений для паствы, владыка должен был сидеть над выписками из законов. В 1565 году, по смерти епископа Иосифа, явилось двое соперников, желавших завладеть епископией владимирской и брестской: шляхтич Иван Борзобогатый-Красенский и епископ холмский Феодосий Лазовский. Первый, получив королевскую грамоту на епархию, завладел епископским замком, где посадил сына своего Василия. Но король Сигизмунд-Август в то же время дал жалованную грамоту на владимирское епископство Лазовскому. Последний явился во Владимир с вооруженной силой, потребовал у Василия Красенского сдачи амка, получил отказ, начал добывать замок приступами и, наконец, овладел им. Король, по жалобе Ивана Красенского, послал дворянина своего звать Феодосия на суд; дворянин явился к епископу в соборную церковь Владимирскую и объявил ему приказ королевский. Феодосий отвечал, что не поедет на суд, бросился с посохом на слуг Ивана Красенского, велел своим людям бить их и топтать ногами в соборной церкви, наконец, выгнал их из замка, сказавши: «Если бы здесь был сам Борзобогатый, то я велел бы изрубить его в куски и бросить псам». Этот поступок Феодосия показывает нам, с каким человеком имеем дело; утвердившись в своей епархии, он вел себя как и другие сильные пань; и на него, как на других, подавались жалобы, что он с толпою вооруженных слуг наезжал на имения соседних владельцев, производил разбои и грабежи на большой дороге; в глубокой старости он совершенно вверился зятю своему Дубницкому, войту владимирскому, который расточал церковную казну, разорял церковные имения, крал жалованные грамоты. Но мы должны рассматривать поведение Феодосия Лазовского в связи с условиями времени, не должны прилагать к нему требований нашего времени и общества. Феодосий принадлежал к числу людей сильных характером, общество же не могло выставить никаких препятствий тому, чтобы эта сила не выражалась незаконным образом; общество терпело Феодосия, и Феодосий, когда страсти его утихли, вспомнил, что «при жизни было много бито, граблено, а под конец надобно душу спасти», и сделал следующее распоряжение: выделил из церковных имений местечко Озераны и одиннадцать селений, назначил доходы с этих имений на украшение соборной церкви Владимирской, на учреждение при ней богадельни и школы для детей; часть доходов назначена была на содержание двух проповедников; в школе положено иметь двух бакалавров: один должен был учить греческому, а другой славянскому языку. Феодосий выпросил у Стефана Батория позволение передать управление владимирской епархией архимандриту Киево-Печерского монастыря Мелетию Хребтовичу-Богуринскому, но при этом Феодосий пользовался доходами епархии до самой смерти своей, случившейся в 1588 году, и тогда епархия владимирская перешла в полную власть Хребтовича.

Между тем Иван Борзобогатый-Красенский, лишенный Феодосием епархии владимирской, получил от короля епископию луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравинского,

который с 1561 до 1567 года управлял епархией луцкой, не посвящаясь в духовный сан. Красенский хотел было подражать своему предместнику, но киевский митрополит Иона сильными мерами заставил его посвятиться в 1571 году под именем Ионы. Новый епископ с своими детьми и родственниками распоряжался церковными имениями как своею собственностью, отдал местечко Жабче в приданое за дочерью; сыновья епископские грабили церкви, разгоняли монахов; наконец Иона поссорился с Баторием, не любившим своеволия, и умер баннитом. По смерти его в 1585 году переведен был на луцкую епископию Кирилл Семенович Терлецкий, епископ пинский и туровский, человек также дворянского происхождения, умный, образованный, ловкий и деятельный, способный управлять епархией по тогдашним условиям, но далеко не способный быть достойным епископом. Он нашел луцкую епископию в самом жалком положении вследствие грабежей Красенского и его родственников, должен был вооруженною рукой отнять у последних Жабче, лично хлопотал в судах о неприкосновенности церковных имений и прав; войско епископское всегда было наготове для отражения врагов.

Третьею западнорусскою епархией, которая обращает на себя особенное внимание в конце XVI века, была львовская в Галицкой, или Червонной Руси. Епископом здесь в это время был Гедеон Балабан, сын львовского же епископа Арсения. Получивши кафедру как бы по наследству, Гедеон считал себя еще в большем праве, чем другие его товарищи, смотреть на нее как на собственность неотъемлемую, но этот епископ-собственник встретил себе сильное сопротивление в братстве Львовском. Во время посещения Львова антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 году львовские мещане, ктитория храма Успения Богородицы, упростили его благословить их на устройство братства. Между братством, получившим широкие права, и между епископом Гедеоном, ревнивым к своей власти, тотчас же начались столкновения; дело дошло до константинопольского патриарха Иеремии, тот взял сторону братства и в ноябре 1587 года писал Гедеону: «Мы судили, истинно испытали и нашли в тебе убийцу и ненавистника добру; не смей ничего говорить против Львовского братства, на котором Бог почивает и славится, и если услышим, что ты возбраняешь дела благия, то будешь отлучен, а потом и другому церковному наказанию подвергнешься». Это грозное послание понудило Гедеона стать на точку зрения Скарги, убедиться, как вредно вмешательство мирян в дела церковные, убедиться, что уния с господствующею церковью освободит владык от унижения мирской цензуры; он сблизился с католическим львовским епископом и в 1588 году изъявил ему желание принять унию.

М. Нестеров. Воскресение Христа. 1922 г.

В таком состоянии находилась западнорусская церковь, когда в 1589 году посетил ее константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные и нерадивые. К числу последних принадлежал главный пастырь, митрополит киевский, Онисифор Девочка, к которому в 1585 году православные галицкие дворяне прислали с сейма следующую любопытную грамоту: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства все мы страшно утеснены, плачем и скитаемся, как овцы, пастыря неимущие. Хотя вашу милость старшим своим имеем, однако ваша милость не заботитесь о том, чтоб словесных овец своих от губительных волков оборонять, нисколько не заботитесь о благочестии. С жалобой на великие несправедливости, нам сделанные, мы приехали на сейм в Варшаву, в надежде на ваше обещание явиться туда же, чтоб вместе бить челом королю, защищать права и вольности закона нашего греческого. Но ваша милость не хотите исполнять своих обязанностей, не хотите быть деятельным при таких великих бедах, больше которых не было и не будет. Во время вашего пастырства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия святыни, замыканье св. тайн, запечатание церквей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей Божиих попов как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквях: таких насилий не делается и под ногайскими царями, и все это делается в пастырстве вашей милости. Но этого мало: рубят кресты святые, захватывают колокола в замок, отдают их в распоряжение жидам, а ваша милость листы свои открытые против церкви Божией жидам на помощь даешь. Из церквей делаются костелы иезуитские, имения, церкви Божией данные, теперь к костелам привернуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братья, игумены с женами и детьми живут и церквями святыми владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к Божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из епитрахилей брамы. Но, что еще хуже, ваша милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братья своей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами и на столицах с женами своими живут без всякого стыда и детей родят. И других, и других, и других бед великих и нестроения множество! Наставилось епископов много, на одну епархию по два: от того и порядок погиб. Мы по обязанности своей вашу милость остерегаем, молим и просим: Бога ради, вспомни святых предшественников своих, архиепископов киевских, и возревнуй благочестию их, а на нас не прогневайся: жаль нам души и совести вашей, за все ответ Господу Богу должны вы отдать».

Онисифор, по приезде Иеремии, должен был оставить митрополию, и на место его патриарх поставил в митрополиты известного уже нам архимандрита минского Михаила Рагозу, по представлению христианства, т. е. всех православных Западной России. Любопытно, что при посвящении Михаила Иеремия произнес следующие многозначительные слова, обращаясь к окружавшей знати: «Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же недостойн, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите». Из этих слов ясно видно все значение мирских людей при избрании Рагозы, причем патриарх выделил совершенно свою волю; мирские люди представили ему незначительного, ему вовсе неизвестного архимандрита, и патриарх уступил их желанию, снявши с себя всю ответственность. Вглядываясь внимательнее в характер и поведение Рагозы, можно понять, почему выбор мирских людей пал на него: в новом митрополите мирские люди искали именно такого пастыря, который не был бы похож на тогдашних западнорусских епископов, не похожих вообще на епископов. Михаил был человек благочестивый, скромный, сравнительно безукоризненной нравственности, далекий от дел насилия, но, к сожалению, с этими достоинствами частного человека, монаха и епископа Михаил не соединял других достоинств, необходимых для западнорусской церкви в то бурное время: не соединял твердости и энергии, был слаб, боязлив, вследствие чего должен был играть такую жалкую, двоедушную роль во время дела об унии.

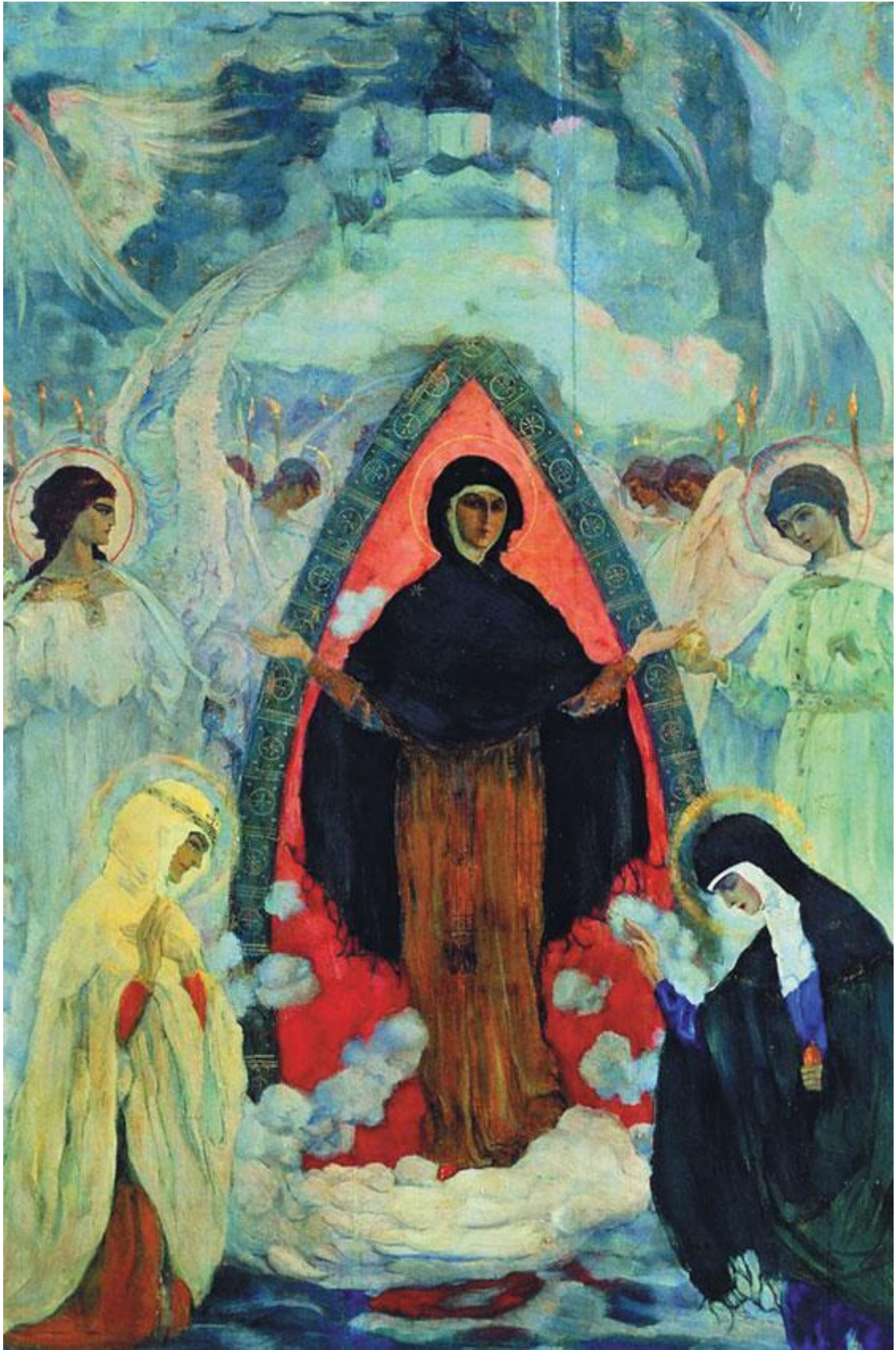
Как бы то ни было, Михаил был избранник мирских людей и потому должен был держать их сторону, сторону братств. Патриарх действовал в том же смысле. В Вильне 1589 года он издал окружную грамоту епископам о низвержении из сана священников двоеженцев и троеженцев, с выговором, что пинский епископ Леонтий утаил таких в своей епархии. В грамоте этой патриарх говорит, что он слышал от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сам глазами своими видел, как позволялось священнодействовать двоеженцам и троеженцам. Тогда же Иеремия благословил учредить братство в Вильне у церкви Св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталям, тюрьмам и нищим по улицам два раза в год – на Светлое Воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось в школе даром учить детей братских и других убогих сирот языкам: русскому, греческому, латинскому и польскому; для науки школьной содержать людей ученых, печатать книги церковные и школьные на языках греческом, славянском, русском и польском. Иеремия же подтвердил новые постановления и права Львовского братства: 1) Не быть другому общественному училищу во Львове, кроме училища братского, в нем одном учить православных детей священному писанию, славянскому и греческому языкам. 2) Братство имеет право печатать не только церковные книги: часословы, псалтири, апостолы, минеи, триоди, требники, синаксари, евангелия, метафрасты, торжественники, хроники или летописцы и прочие богословские книги, но и другие нужные для училища, именно грамматику, пиитику, риторiku и философию. 3) Священника, избранного братством к церкви Успения, епископы львовские должны благословлять без всякой отговорки и противоречия; братство же и удаляет от должности священника, если он станет жить неприлично.

Но, согласившись на поставление Рагозы по представлению мирских людей, Иеремия, спустя немного времени, в знак ласки и благоволения своего, дал старшинство над всеми епископами, экзаршество – должность, старшую в духовных делах, – епископу луцкому, Кириллу Терлецкому, видя в нем мужа искусного, ловкого и ученого. Экзаршество, или наместничество патриаршее, состояло в том, что Терлецкий имел право исправлять всех епископов, блюсти за порядком между ними, негодных извергать. Что побудило Иеремию на установление такой важной должности подле митрополичьей, отнять у митрополита почти все значение и передать епископу луцкому? Успел ли Терлецкий разными средствами подбиться к патриарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мирских людей, выразившуюся при назначении Михаила, свою собственную обиду при этом? Действительно ли патриарх, признавая неспособность Михаила в такое опасное и бурное время, спешил облечь властью своего наместника – человека более ловкого и деятельного? А быть может, и сами мирские люди, знатные паны, видя, что обидели Терлецкого, обойдя его митрополией и не желая лишиться помощи такого деятельного и ученого человека, содействовали или, по крайней мере, нисколько не мешали назначению его экзархом? Источники не отвечают на эти вопросы, и потому, оставя все предположения в стороне, заметим только, что назначение Терлецкого экзархом было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чем патриарх успел выехать из пределов Западной России. Терлецкий наговаривал патриарху на других епископов, Мелетий владимирский уличал Терлецкого в насильственном поступке с посланцем патриаршим; Иеремия послал сказать митрополиту, чтобы созвал собор для решения этих дел и заплатил ему, патриарху, пятнадцать тысяч аспр (250 талеров) за поставление, ибо если бы Рагоза должен был за этим поставлением ехать в Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополит, недовольный патриархом, который поставил его митрополитом, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвечал посланному: «Не обязан я ничего давать патриарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который велел созвать на него собор; Гедеон Балабан львовский был сильно недоволен тем, что

патриарх подтвердил права ненавистного ему братства; тем же самым должны были быть недовольны все вообще епископы, которых ставили под цензуру мирских людей. Между привилегированным Братством Успенским во Львове и другими – непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: в 1590 году четверо граждан львовских с другими потаковниками своими, принадлежа к братствам Никольскому, Федоровскому и Богоявленскому, соединились с епископом Гедеоном и стали вооружаться против Успенского братства и его школы, уговаривая многих не посещать ее. Митрополит Михаил, заступаясь за Успенское братство, отлучил их от церкви.

В таком положении находились дела, когда в июне 1590 года созван был собор в Бресте, на котором присутствовали митрополит Михаил, Мелетий Хребтович, епископ владимирский, Кирилл Терлецкий, епископ луцкий, Леонтий Пельчинский – пинский, Дионисий Збируйский – холмский, Гедеон Балабан – львовский; были приглашены также Адам Потей, каштелян брестский, и все крилошане соборные. Отцы рассуждали о великих притеснениях, которым подвергается православная церковь, о великом нестроении в духовенстве, о разврате, несогласиях, непослушании и бесчинствах между некоторыми христианами. Для предотвращения подобного нестроения и своевольств, для установления порядка, для рассуждения о школах, науках, госпиталях и других благочестивых делах отцы постановили собираться ежегодно в Бресте Литовском в июне 24 числа; кто не явится на собор, должен заплатить 50 коп грошей литовских на общие потребности духовные; кто поставит причиною отлучки болезнь, тот, приехавши на собор следующего года, должен присягнуть, что действительно был болен; если же кто и на другой год не приедет и присяги не даст, тот будет лишен епископии. Архиереи обязались привозить на собор всех архимандритов, игуменов, протопопов и других пресвитеров, в св. писании знающих; обязались не позволять, чтоб простые люди держали монастыри; обязались не вступаться в чужие епархии, не ставить недостойных пресвитеров под пенею ста коп грошей литовских; кто же не заплатит, тот подпадает проклятию. На соборе явилось семеро депутатов Львовского братства (из них двое греков) с жалобою на епископа Гедеона, который не исполняет постановлений патриарших относительно братств Львовского и Рогатинского, уже после уговора и примирения своего с ними. На эти жалобы Гедеон отвечал одно: «Братство не хочет воздавать мне надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но собор решил дело в пользу братства: так как Гедеон никогда не соглашался благословлять священников для братства, почему церковь братская бывала без службы к соблазну христианам, то братство передано в непосредственную зависимость киевского митрополита, который и благословляет священников братских, братством избранных.

М. Нестеров. Покров Богоматери. 1914 г.

После собора Кирилл Терлецкий занемог и поехал в Сендомир лечиться; потом пришла весть, что он при смерти. Тогда один из урядников замковых острожских, Боровицкий, по

давнему обычаю, вошел в дом епископа и захватил его пожитки. Но Терлецкий выздоровел и, возвратясь из Сендомира, обратился с жалобой к князю Острожскому в надежде на большую любовь этого вельможи к себе. Но Боровицкий пользовался также сильным расположением князя, вследствие чего успешно защищался, и когда Терлецкий уехал из Острога, то Боровицкий стал обносить его перед князем и так успел очернить Кирилла, что князь вместо прежней любви стал оказывать презрение к нему. Легко понять теперь положение луцкого епископа, разладившего с самым могущественным вельможею своей епархии и столпом православия! С одной стороны, разлад с своими в лице самого сильного из своих, с другой – поднимается ожесточенное преследование от чужих. Секретарь королевский Мартын Броневский напал с толпою вооруженных людей на церковное владение Фалимичи, завладел ерковным и епископским именем; староста луцкий, Александр Семашко, сделавшийся из православных католиком, наложил подать за вход в соборную луцкую церковь; в апреле 1591 года, в Страстную субботу и Светлое воскресенье, Семашко велел впустить в замок, где находилась церковь, только одного епископа с слугою, без духовенства, почему в соборной церкви не было в эти дни богослужения, а епископ два дня не пил и не ел, между тем как пьяный Семашко в притворах соборной церкви заводил танцы и игры и приказывал гайдукам своим стрелять в купол и крест церковный.

В июне, по приговору, епископы съехались на собор в Брест, определили жаловаться королю, что урядники и землевладельцы Великого княжества Литовского вступаются в дела духовные, судят священников, разводят браки. Но Терлецкий с некоторыми товарищами решился избавиться от всех бед, грозящих как от своих, так и от чужих, прямым средством, на которое давно уже было указано иезуитами – униєю. Король Сигизмунд получил следующую грамоту: «Мы, нижеподписавшиеся епископы, желаем признавать пастырем нашим и главою наместника св. Петра святейшего папу римского, от чего ожидаем великого умножения хвалы Божией в церкви Его святой; но, желая быть в повиновении у святейшего отца папы, мы желаем, чтоб оставлены были нам все церемонии, службы и порядки, какие издавна церковь наша св. восточная держит, и чтобы его королевская милость вольности нам грамотами обеспечил, и артикулы, которые нами будут поданы, утвердил; а мы обязуемся быть под властью и благословением отца папы, и лист этот с подписью наших собственных рук и приложением печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому. Подписали: Кирилл луцкий, Гедеон львовский, Леонтий пинский и Дионисий холмский».

Только в январе 1592 года король отвечал на жалобу митрополита запрещением светским лицам вмешиваться в дела духовные, и только 18 марта написан был привилей королевский согласным на унию епископам: «Мы, государь, им самим, епископам, пресвитерам и всему духовенству церкви восточной и религии греческой обещаемся сами за себя и за потомков наших, что если бы кто-нибудь из патриархов и митрополитов наложил на них клятву, то эта клятва им и всему духовенству их ни в чем не будет вредить; обещаем ни по каким обвинениям и клятвам не отнимать у них епархий и другим при жизни их не отдавать; обещаем приумножить к ним ласку нашу, придавая им и каждому, кто склонится к унии, свобод и вольностей в той же мере, в какой имеют их и римские духовные, что обещаем и другими привилеями нашими утвердить». В это время между православными еще ничего не было известно о замысле Терлецкого с товарищами; по крайней мере Львовское братство, продолжая борьбу с своим епископом, в грамоте к патриарху от 6 февраля 1592 года еще ничего не говорит об этом. В этой грамоте братство пишет: «Беспрестанными бедами томит нас Гедеон, епископ львовский, людей разделил и на братство наше вооружил, приказал всем под клятвою отвращаться от нас; монастырь св. Онуфрия, ставропигион наш ктиторский, под благословением митрополита находящийся, пограбил, игумена обесчестил. На соборе показали мы грамоту вашей святыни об этом монастыре и священнике нашего братского храма, которого архиепископ (т. е.

митрополит Михаил) под благословение свое принял, а епископ проклинаят. Мы жаловались на епископа на соборе, но бесчинного ради собора не было о том суда, на будущий собор отложили. Архиепископ с епископами утвердили, чтобы вперед священники братств Львовского и Виленского были под благословением архиепископским и под защитою всего собора, но епископ, по древнему своему противлению, и теперь противится, и всюду между всяких чинов людьми клеветает, что мы не можем ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидакалов (учителей) Кирилла в Вильну, Лаврентия в Брест, другие по иным местам разошлись, а Стефан здесь живет; священники лучшие, ради гонения епископского, разошлись в иные страны, а двоеженцы водворились везде. Епископы холмский и пинский с женами живут и, видя это, двоеженцы смело литургисают. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, в различные ереси впадшие, хотевшие прежде возвратиться к своему правоверию, теперь не хотят; хулят церковное бесчиние, и все люди единогласно вопиют: «Если не устроится церковь, то вконец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в покое безмятежном». Некоторые неправду сказали твоему святительству, будто у нас есть люди, не почитающие св. икон: нет таких ни в братстве нашем, ни в целом городе. Дело вот как было: когда архиепископ наш (Михаил) был здесь в Галиции, то в городе Рогатине нашел икону: вместо Спасова образа написан Бог отец с сединами; то же и в Галиче. Архиепископ велел эту икону вынести из церкви и написать Спасово изображение. Но Гедеон, епископ львовский, по уходе архиепископа, велел в Галиче икону невидимого Бога отца в церкви выше всех икон поставить, и подписал имя иконе: «Ветхий денми», и, уча народ, обвинял архиепископа в иконоборстве. На Воскресение Христово какой-то хлеб, называемый пасха, по старому еретическому приказывает освящать; пятницу празднуют, и на другой день Рождества Христова пироги приносят в унижение Богородицы (так называемый полог Богородицы, по нашему на зубок). Все это велит епископ по старому держать и не соблазняться прещениями твоего святительства. Сообщаем твоему святительству и радостные вести: в Вильне братство размножается. Федор Скумин (Тышкевич), воевода новгородский, и пан Богдан Сапега, воевода минский, со многими чиновными людьми вступили в братство церковное и утвердили единство свое с братством Львовским, дабы вместе промышлять об общей пользе. Кроме того, пан Адам Потей, каштелян брестский, сенатор королевский, заложил в Бресте чин братства Львовского».

Как же удивилось Львовское братство, когда вскоре после этого враг его Гедеон объявил грамоту патриаршую, в которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрия из-под власти митрополита. В сентябре братство писало патриарху: «Не знаем, как это случилось? От зависти ли бесовской, или от клеветы злохитрых людей, или потому, что ты забыл прежнюю свою грамоту?» Тут же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патриарху о замысле насчет унии: «Прежде всего да ведает твоя святыня, что у нас так называемые святители, а лучше сказать, сквернителю вопреки иноческому обету с женами невозбранно живут; некоторые многобрачные святительствуют, другие с блудницами детей прижили. Если такие святители, то простые священники и подавно. Когда митрополит на соборе обличил священников и требовал, чтобы они отказались от священства, то они отвечали: «Пусть прежде святители откажутся от своего святительства, послушают закона, тогда и мы их послушаем. Епископы похитили себе архимандритства и игуменства и ввели в монастыри родню свою и урядников мирских; имения все церковные пограбили, иночество испразднили, коней и псов в монастыри ввели. Многие же утвердили совет предаться римскому архиерейству с сохранением закона греческой веры, и римский папа послал одного иерея своего с приказанием по всем церквам своим квасным хлебом службу совершать в знак соединения церквей; иезуит виленский Петр Скарга напечатал книги о вере своей и о греческом заблуждении и королю вручил. Люди рассудили, что может Христова вера под римскою властью правомерно исповедаться, как и сначала было: потому что безначалие во многоначалии нашем обретается, законы отеческие попораны, и ложь православием лицемерствующих учителей покрыла церковь».

Братство не могло еще, не умело назвать епископов, решившихся на унию: так осторожно и тайно действовали они; понятно, что в таком важном деле они должны были действовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности в каком-нибудь внешнем обстоятельстве. Львовское братство писало патриарху, что у многих укореняется мысль о необходимости подчиниться римскому престолу, как о единственном средстве избавиться от безначалия и беспорядков, господствовавших в русской церкви; но сделать решительный, открытый шаг к этому подчинению было крайне трудно и опасно. Терлецкий один не мог на это решиться; Терлецкому одному трудно было действовать, приобретать сообщников: как мы видели, он лишился дружбы князя Константина Острожского. Но скоро явился человек, который занял место Терлецкого в расположении князя Константина: в начале 1593 года, по смерти владимирского епископа Мелетия, епархию эту получил Ипатий, в миру Адам Потей, тот самый сенатор и каштелян брестский, о благочестивой ревности которого упоминало Львовское братство в письме к патриарху. Потей явился достойным своего нового сана, явился «великим подвижником, воздержником, постником, чутким охранителем прав церковных и ни в какое дело светское не вступающим». Но бывший каштелян был мало сведущ в догматических подробностях восточного исповедания, был равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии. Терлецкий взялся за это дело. «На ласку князя Острожского полагаться опасно, – говорил он Потее, – ко мне был ласков, а теперь презирает. Патриархи будут часто ездить в Москву за милостынею, а едучи назад, нас не минуют; Иеремия уже свергнул одного митрополита, братства установил, которые будут и уже суть гонители владык: чего и нет, и то взведут и оклеветают; удастся им свергнуть кого-нибудь из нас с епископии: сам посуди, какое бесчестие! Господарь король дает должности до смерти и не отбирает ни за что, кроме уголовного преступления, а патриарх по пустым доносам обесчестит и сан отнимет: сам посуди, какая неволя! А когда поддадимся под римского пану, то не только будем сидеть на епископиях наших до самой смерти, но и в лавице сенаторской засядем, вместе с римскими епископами, и легче отыщем имения, от церквей отобранные».

Ф. Солнцев. Архимандрит и иеромонах. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Не знаем, кто первый начал разговор об унии, Потей или князь Острожский; знаем, что 21 июня 1593 года князь писал владимирскому епископу следующее письмо: «Всякий человек должен стараться о том, чтобы быть размножителем и любителем хвалы Божией. И я, по причине многочисленных мирских занятий моих, хотя не мог посвятить всего себя заботам об умножении хвалы Божией, однако, по христианской обязанности, с давнего времени было у меня желание, и теперь не слабеющее, но более и более распаляющееся, желание найти способ к тому, чтобы церковь Христова, всех церквей начальнейшая, в первобытное состояние прийти могла. Но, как вижу, достойное создается достойными и честное совершается честными. Так и мне или несчастье воспрепятствовало, или собственное недостойнство мое не допустило положить начало доброму делу. Однако св. писание говорит: «Сила Божия в немощи совершается», и потом: «От человек невозможное Богу возможно». Опираясь на эти слова, незадолго перед тем, не славы ради житейской, Бог весть, но сетуя о падении церкви Христовой; не терпя

наругания еретиков и отступников, дерзнул я с легатом папы римского, Поссевином, советовать и гадательствовать о некоторых нужных речах писания святого, не сам, но чрез своих старших и пресвитеров; но Богу не угодно было, не знаю, на пользу нам или во вред. И так случилось тогда, как было угодно богу. И теперь, не имея возможности прекратить заботы о церкви Божией, имея намерение для здоровья, своего телесного отправиться в те страны, недалеко от которых живет папа римский, предлагаю хлопотать там о соединении церквей, если бы было на то произволение Божие, если бы вы, духовные, на будущем соборе вашем нашли способы к прекращению внутренней брани в церкви Божией. По моему мнению, ваша милость епископ владимирский, согласившись с преосвященным отцом архиепископом и епископами, с позволением и грамотою его королевской милости, должны ехать к великому князю московскому и вместе с великим князем и духовенством земли тамошней посоветоваться, порассказать им, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение народ здешний русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит, просить их, как единоверцев, стараться о том, чтобы больше церковь Христова такой смуты, а народ русский такого гонения и озлобления не терпели. Усердно прошу вашу милость, как ласкового господина и приятеля, особенно же теплого тщателя в любви веры Христовой, стараться из всех сил на соборе, чтоб положить начало если не соединению, то, по крайней мере, улучшению жизни народной. Ибо известно всем вашим милостям, что люди нашей религии упали нравственно, что господствует в них леность и нерадение к благочестию: не только не исполняют они обязанности своей христианской, не защищают церковь Божию и веру свою старинную, но еще сами многие, насмехаясь над нею, разбегаются по разным сектам. Если ваши милости стараться об этом не будете, то сами знаете, кто повинен будет ответ дать, ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми леность, нерадение и отступление от веры? Оттого, что нет учителей, нет проповедников слова Божия, нет наук, нет проповедей; от этого наступило истощение хвалы Божией в церкви его, наступил голод слушания слова Божия, началось отступление от веры и закона. Дошло до того, что нет ничего, чем бы могли мы утешиться в законе своем. Имеем право сказать словами пророческими: «Кто даст голове нашей воду и очам нашим источник слез», чтоб могли мы оплакивать упадок, истощение веры и закона своего день и ночь? Все ниспроверглось и упало, со всех сторон скорбь, сетование и беда, и если дальше так пойдет, то Бог весть, что с нами наконец будет!» При этом письме князь приложил и собственноручные статьи, на которых он бы желал унии: 1) Оставаться нам вполне при всех обрядах, какие церковь восточная держит. 2) Чтоб паны римляне церковей наших и имуществ их на свои костелы не брали. 3) Чтоб после унии не принимали они тех из наших, которые бы захотели быть католиками: не принуждали бы наших к католицизму, особенно при браках, как то обыкновенно делают. 4) Чтоб духовенство наше в таком же почете было, как их, чтобы митрополит и владыки в раде и на сеймиках место имели, хотя и не все. 5) Нужно переслаться с патриархами, чтоб и они склонились к унии, чтоб нам единым сердцем и едиными устами Господа Бога хвалить. 6) Нужно послать к московскому и к волохам, чтобы согласиться с ними вместе на унию; всего лучше, по моему мнению, в Москву послать отца епископа владимирского, а к волохам львовского. 7) Нужны также исправления некоторых вещей в церквях наших, особенно касательно вымыслов людских. 8) Необходимо иметь нам ученых пресвитеров и проповедников добрых, ибо, по недостатку просвещения, великая грубость в нашем духовенстве умножилась.

Практический смысл Потея и Терлецкого должен был внушать им, что требования князя неисполнимы, что церковь восточная греческая и восточная русская, или московская, не признают папу главою своею, а без этого уния невозможна; что по-пустому, следовательно, будет ехать и в Москву, и к волохам; что дело не может решиться путем соборов, но только решительным шагом со стороны нескольких влиятельных лиц, которые своим примером могут увлечь народ, наскучивший тяжелым положением церкви. Не прошло года после собора 1593 года,

как 21 мая 1594 года Терлецкий, вместе с соборным духовенством, явился в уряд луцкий и объявил, что по воле и промыслению бога, в Троице славимого, и по усердному старанию и побуждению короля, его милости, и панов сенаторов, духовных и светских, совершилось давно желанное соединение и восстановилась братская любовь между церквами восточною и западною, с признанием святейшего папы римского верховным пастырем и наместником апостольским, что для утверждения этого соединения и для изъявления покорности папе, он, Терлецкий, вместе с владимирским епископом Потеем отправляется в Рим, по приказанию короля, и что для издержек на это путешествие отдано в залог церковное имение Водиради.

Ф. Солнцев. Священник и дьякон перед началом литургии. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Наступало обычное время собора – 24 июня; приехал в Брест митрополит Ми хаил, приехал Потей, Терлецкий. На другой день по приезде митрополита службы не было, только говорил проповедь о пастырях владыка владимирский Потей на текст: «Аз есмь пастырь добрый». После проповеди владыка спросил предстоявших, хорошо ли он говорил или нет? Все отвечали: «Хорошо!» Но вот послышался один голос из толпы: «Владыко против себя читает». В церкви встало смятение, порицателя схватили и поставили перед собором, где он сказал Потее: «Ты нас добру учишь, а сам дурно делаешь: малых ребят неразумных в попы ставишь и от них по осьми коп берешь». После этих слов волнение еще более усилилось: порицателя Потеева били, мучили и наконец посадили в богадельню на цепь. На третий день после заутрени велели звонить на собор, собрались отцы в церковь, отворили царские ворота, зажгли свечи, поставили налой на амвоне, положили Евангелие разогнутое. Митрополит сел на особом месте, владыки особенно, архимандриты особенно, потом архидиаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особом месте; были и паны, но немного; слышали, что римляне будут. После молитвы о ниспослании св. духа собор начался; стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку львовского Балабана; Потей жаловался на него же; братство Виленское и Львовское положили свое право братское; потом подавались грамоты от многих панов к митрополиту и ко всем владыкам с жалобами. Наступил вечер и разошлись обедать. Но вот явилась грамота от гнезненского архиепископа-примаса, который напоминал митрополиту, что собор никакой законной силы иметь не может, ибо всякие съезды, сеймы и соборы запрещены в отсутствие короля, находившегося тогда в Швеции. На этом основании ограничались только делами судными, подтвердили права братства, и Гедеон Балабан, за насилие Львовскому братству, низвержен с епископии. Гедеон протестовал против собора, опираясь на его незаконность, Терлецкий также отрекся от участия в незаконном соборе, и 2 декабря 1594 года явился акт соединения владык для принятия унии. Владыки указывают на уклонение многих людей в ереси, как на следствие того, что они, русские, порознились с панами римлянами, порознились дети одной матери, и потому не могут помогать друг другу. Моля Бога о соединении веры, они, владыки, не старались об этом потому, что смотрели на старших, дожидались, чтоб те постарались о соединении церквей. Но надежда на старших ослабевает все более и более, потому что они, будучи в неволе ногайской, если б даже и хотели, то не могут ничего сделать. «Вследствие этого, по наитию св. духа, видим мы, – пишут владыки, – что людям большие препятствия к спасению без единства в церкви Божией, а в этом единстве предки наши всегда были; одного старшего пастыря первопрестольника, именно святейшего папу римского, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядок и великое умножение хвалы Божией в церкви бывали и еретикам трудно было ереси рассеять, когда же много старших и первопрестольников настало, то теперь ясно видим, до какого несогласия церковь Божия пришла. Итак, не желая взять на свою совесть погибель душ людских, умыслили мы соединиться для святого дела, чтоб, как прежде, едиными усты и единым сердцем славить отца, сына и св. духа, с братьями нашими милыми панами римлянами, будучи под единым видимым пастырем церкви Божией. Обещаемся пред Господом Богом, все вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и других братьев наших духовных и весь народ приводить к единству церковному, а для сильнейшего побуждения к тому даем друг другу эту грамоту». Подлинник грамоты подписан только Ипатием владимирским и Кириллом луцким. Надобно было уговорить митрополита; к нему отправился Терлецкий, и Рагоза дал ему следующие статьи для представления коронному гетману Замойскому: «Вследствие несогласия между самими нашими старшими, патриархами, вместе с некоторыми другими епископами я хочу признать первенство святейшего папы римского, сохранивши в целости все обычаи и обряды церкви нашей восточной. Просить пана гетмана, чтоб король обеспечил нас своей грамотою, дабы я, митрополит, на митрополии своей во всякой чести и уважении до смерти своей в покое жил, дабы я имел место в раде и все права наравне с духовными римскими. Если будут принесены на нас какие-нибудь грамоты

неблагословенные от патриархов, то не должны иметь никакого значения. Чтоб монахи из Греции больше в панстве королевской милости не бывали и в неприятельскую землю московскую не пропускались. Чтоб перехожих людей с грамотами к нам от патриархов не пускали, потому что мы их считаем шпионами». Написали и наказ, что должен был говорить королю уполномоченный от епископов посланник: «Видя в старших наших, патриархах, великие нестроения и нерадение о церкви Божией и законе святом, видя их неволю, видя, что вместо четырех патриархов сделалось восемь, видя, как они там живут на своих патриаршествах, как один под другим подкупается, как церкви соборные утратили, и, сюда к нам приезжая, никаких диспутиаций с иноверными не чинят, только поборы с нас берут, и, набравши откуда ни попало денег, один под другим там в земле поганской подкупаются – видя все это, мы, епископы, не желая долее оставаться в таком безнравье и под таким их пастырством, единодушно согласившись (под верным ручательством, если его королевская милость захочет хвалу Божию под единым пасторством расширить и дать нам с нашими епископиями, церквами, монастырями и всем духовенством такие же вольности, какими пользуются духовные римские), хотим приступить к соединению веры и пастыря единого, главного, которому самим искупителем мы вверены, святейшего папу римского пастырем своим признать; только просим, чтоб государь обеспечил нас своею грамотою и утвердил навеки нижеписанные артикулы: 1) Чтоб церкви главные, епископии наши остались навеки нерушимо в своих набоженствах и церемониях. 2) Владычество и церкви русские, монастыри, имущества, пожалования и все духовенство должны оставаться навеки в целости, по стародавнему обычаю, под властью, благословением и жалованием епископским, во всяком послушании обычном. 3) Все дела церковные, служба Божия, церемонии и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтоб был нам на сейме почет и место в раде, дабы, находясь под благословением святейшего пастыря римского, мы тешились и веселились. 5) Чтоб проклятие патриархов нам не вредило. 6) Чтоб монахи из Греции, которые приезжают сюда грабить нас и которых мы признаем шпионами, никакой власти больше над нами не имели. 7) Чтоб уничтожены были все привилегии, данные патриархами братствам, и другие, ибо чрез них размножились разные секты и ереси. 8) Каждый новый епископ посвящается митрополитом киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы римского и без всякой платы. 9) Чтоб все эти артикулы королевская милость подтвердил нам своими грамотами, одною на латинском, а другою на русском языке. 10) Чтоб и святейший папа также подтвердил эти артикулы. Собственноручно подписались: «Ипатий владимирский, Кирилл луцкий, Михаил перемышльский, Гедеон львовский, Дионисий холмский».

Но Терлецкий хитрил, скрывался от Потеев, с которым соперничал, хотел один заправлять всем делом, и потому, когда съехался с Потеем в Торчине у католического луцкого епископа Бернарда Мацеевского, то не сказал, что открыл все дело митрополиту и получил от него статьи к Замойскому. Вследствие этого Потеев в январе 1595 года написал Рагозе: «Знайте, что уже все епископы сговорились приступить к соединению с панами римлянами, и думаем, что это уже известно и кому-нибудь набольшему. Когда я об этом имел разговор с князем-бискупом луцким, то он просил меня и владыку луцкого (Кирилла Терлецкого), чтоб мы привели к тому вашу милость, как старшего, указывая от того немалые выгоды для церкви Божией. Я говорил с князем о великих обидах, которые мы терпим не только от них, католиков, но и от своих; говорил, что нет в нас согласия, старшего своего митрополита ни за что почитаем, против него бунтуем, на грамоты и проклятия его не обращаем внимания, и прямо старшего над собою иметь не хотим. Он мне отвечал: «Знаю я все это, но отчего же это так делается? Оттого, что порядка между вами нет, ваши патриархи об этом не заботятся; только за тем сюда приезжают, чтоб вас грабить и несогласие между вами сеять, грамоты на грамоты выдавая, но когда в унии будете, тогда все иначе пойдет: старший будет иметь высшее значение, все его слушать и бояться должны будут». Говорилось дальше о том, чтоб приступить к унии без насилия совести

и вере нашей; не позабыли поговорить и о месте в раде и на все получили удовлетворительный ответ и обещание помогать. Говорилось и о том, что ваша милость хотя бы и хотел привести дела в порядок, но средств не имеет по причине обеднения старшей епархии киевской; киевский князь-бискуп отвечал: «Это последнее дело; будем хлопотать, чтоб стол митрополичий, для приобретения подобающего ему значения, получил хорошее содержание» – и указал сам на монастырь Печерский. «Пристойнее, – сказал он, – управлять им митрополиту киевскому, чем тамошним пьяницам монахам». Он требовал, чтоб мы ехали к вашей милости и обо всем с вами договорились. «А когда вы согласитесь, – сказал он, – то от самого папы будут к вам послы с приглашением к унии, и синод от короля будет назначен; там, на этом синоде, будем с вами трактовать, что прежде всего уладить то, в чем не сходимся; также обеспечим вас в том, что вы сохранить желаете, как относительно веры, так и церемоний ваших». С тем мы и расстались, что обещались ехать к вашей милости, и потому прошу, сделайте милость, дайте знать, где вас можем найти. . . На патриарха никто не хочет обращать внимания, а нам головою стены не пробить, когда от них никакой помощи не имеем. Ради бога, не презирай этим делом, прикажи нам к себе приехать и переговорить. Бог знает и сами видим, что с нами делается, видим, что наши старшие не только нам, но и себе помочь не могут, только тут на ссоры присылают, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нет. Видел я у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вашею милостью видеться; в грамоте говорится, чтоб и он, владыка луцкий, также ехал к королю, но он обещал мне не ездить, прежде чем с вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывай, потому что я вверяюсь вашей милости, как старшему пастырю».

Но Рагоза решился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни с теми, ни с другими, выжидать, откладывать решение до последней крайности. Кроме приманок, выставленных Потеем, усиления власти, умножения доходов, выгодна была уния для Рагозы, не ладившего с патриархом, который, как говорят, еще недавно подвергнул его временному запрещению; страшно было не приступить к унии, желаемой, поддерживаемой королем: не простит ему правительство нерасположения или равнодушия к ней. Но, с другой стороны, затевали унию одни епископы без совета с мирянами, с Острожским, Скуминым и остальною знатью, с братствами, а Михаил был избранником мирян. Получивши письмо Потей, он написал Скумину (20 января 1595): «Милостивый пан! Стараясь давать знать вашей милости, как столпу церкви нашей, обо всех новостях, касающихся церкви и меня, извещаю о новой новости, предками нашими и вашею милостию не слыханной; посылаю и копию с письма, присланного ко мне отцами епископами о предприятии их приступить к унии, чтоб вы сами из него увидели, в чем дело, и прислали мне поскорее свое мнение; я же сам собою до этого дела и не думаю приступать, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но в то время, как митрополит хитрил, Терлецкий хитрил и Потей еще хлопотал о тайне, решительный шаг сделан был во Львове тамошним епископом Гедеоном, положение которого, как мы видели, было тяжелее всех. Он созвал у себя собор из архимандритов, игуменов, монахов и белого духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примеру верховнейших пастырей русских, признают церковь римскую правдивою и власть над всею вселенною имеющею и присягают не отступать от святейших первопрестольников римских, проклинают тех, кто отступит, и усердно просят митрополита и епископов кончить без отлагательств такое спасительное дело. Дело грозило пойти вразброд: Балабан действовал сам по себе, Терлецкий действовал также сам по себе, митрополит проводил Потей, назначил ему свиданье в Новогрудке, но, не подождавши его здесь, уехал в Слуцк. Потей решился ему написать в другой раз (11 февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мне никакого ответа, теперь и сам не знаю, что дальше будет? А не надобно было вашей милости пренебрегать делом. Ради бога, прошу, дай мне знать верно о своем намерении, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпеть готов и ни в чем от вашей милости не отступлю. Там вашей милости легче между своими, а мы тут в зубах:

захотят кого съест и съедят. Не знаю, писал ли я в первом листе к вашей милости, что видел у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вами видеться. Если поедешь к королю, то заезжай ко мне: очень нужно! Когда я спрашивал отца владыку луцкого, зачем он едет к королю, тот отвечал под присягою: «Не знаю, зачем меня требуют, потому что у меня нет там никакого дела, ни своего, ни чужого. А теперь, без меня, должно быть вследствие другой грамоты, был у канцлера и в Краков поехал. Бог знает, что это такое? Одно знаю, что при дворе говорят обо мне так: «На кого мы надеялись, тот хуже всех». Оттого королевских и канцлерских грамот ко мне нет, и сеймиковых грамот не послано, а у луцкого все есть. Ради бога, похлопочи, чтоб нам в последних не остаться. А с Востока понапрасну чего нам надеяться? Из новостей, которые я к вашей милости посылаю, увидишь, что с нашими там делается. Если теперь нельзя нам с тобою видеться, то, ради бога, постарайся разослать пригласительные грамоты к собору на Иванов день (24 июня), потому что теперь особенно нужно нам съехаться всем; ради бога, прошу, отвечай мне обо всем на письме; не бойся: напишешь ко мне – это все равно, как если бы камень в море бросил; я дам тебе знать, какие новости будут в Польше».

Неизвестный художник. Ипатий Потей. XVII в.

Действительно, Терлецкий опередил всех: он съездил к королю и привез от него к Потю следующую грамоту (от 18 февраля): «Узнали мы сильное желание и добрую мысль вашу к соединению церкви Божией греческой с вселенскою римскою, как издавна под властью одного пастыря, святейшего папы римского, бывало. Это желание и намерение ваше не только хвалим, но и с благодарностью принимаем, усматривая, что это дело духа святого и от Бога начало свое берет, который, как сам в Троице единый, так и церковь свою святую и веру христианскую в единстве и согласии иметь хочет, и одного пастыря в ней поставил, которому не только овец своих, то есть простой народ, но и барашков, то есть всех духовных, епископов, пресвите-

ров, дьяконов и всех других слуг церковных, пасти поручил. Желаем и напоминаем, чтобы вы приводили к концу это предприятие свое доброе и блаженное. Господь Бог Вседержитель, от которого исходит всякое благо, будет в помощь и стократную мзду готовит вам за это в царстве своем небесном. А мы, принявши вас в оборону нашу королевскую, всегда к вам ласковым и милостивым паном быть хотим и святейшему папе римскому особенно старание ваше засвидетельствуем; только медлить с этим делом не годится: надобно как можно скорее к концу его приводить, о чем пространнее говорить с вами поручили мы епископу луцкому, которому во всем верьте». Терлецкий действовал свободно, не связываясь никакими отношениями: вражда с князем Острожским порвала связь его с могущественными мирянами, столпами церкви. В ином положении находились Потей и Рагоза, которые должны были вести переписку с этими вельможами, защищать пред ними свое поведение, скрывать истину. Князь Острожский писал Потю, что Терлецкий был в Кракове и действовал там от имени епископов, согласившихся на унию. Потей отвечал (17 марта): «Я узнал о том, что отец владыка луцкий был в Кракове, но не слышал я, свидетельствуюсь Господом Богом, чтоб он ездил от кого-нибудь в посольстве, и не думаю, чтоб он ездил от кого-нибудь с каким-нибудь посольством, а постановлять что-нибудь между собою нам и не снилось. Разве мы того не видим, что хотя бы мы все епископы согласились на унию, а все христианство не позволило; то это был бы только тщетный труд и бесчестье нам у овечек наших, и не годилось бы. нам такое дело оканчивать или начинать тайно без собора и ведомости всей братии нашей младшей, равных слуг в церкви Божией, и прочего христианства, особенно ваших милостей, панов христианских». Но Острожский прислал второе письмо в таком тоне, что нельзя было более скрываться, причем упрекал Потю в нерадении о порядке церковном, указывая на протестантов, как на образец в этом деле. Потей рассердился и отвечал (25 марта): «Не отвечая ничего на широкое писание вашей милости, покорно благодарю за предостережение. Считаю унию полезною не для своей корысти и возвышения, а для умножения хвалы Божией, и не такую разумею унию, чтоб нам нужно было переделаться совсем в иной образ, но такую, при которой бы мы оставались в целости, только исправивши то, в чем нет истины, а держимся по одному упрямству. Дал бы Господь Бог, чтоб и все те жили согласно, которые больше нашего значат. Но видя, что делается, всю надежду теряем, ибо те (патриархи), хотя бы и рады, не могут, а мы можем, но не хотим, и только Бога обманываем, молясь о соединении веры. Не дивись же, что реки исчезли, когда источники высохли, не дивись, что ни у них, ни у нас не только науки, но и порядка нет. Припоминаешь ты мне соборы брестские, что на них постановлено о школах, типографиях и других делах, церкви Божией потребных, и ничего не исполнено; отвечаю: хотя все это постановлено и не в мое архиерейство, однако никому не дал бы я упредить себя в таком добром и благочестивом деле, не пожалел бы и остального убогого своего имения, в котором я уже не малый ущерб детям своим сделал, продавши два имения, не пожалел бы я ничего, лишь бы шло добрым людям, а не таким ветреникам, которые только за доходами бегают; так теперь в Бресте школу разорили сами профессора, которые убежали в Вильну на сытные пироги, а тут все покинули без всякой важной причины, к бесчестию и сожалению убогого христианства, на поругание от противников наших. Сам знаешь, как это все трудно устроить и вам, панам великим, а куда уже нам, калекам, среди волков живущим! И церемонии церковные запрещают порядочным образом отправлять; много мог бы писать вашей милости, что делается в моей епископии брестской, какое притеснение терпят христиане в некоторых местах. Еще бы человек тем утешался, что крест этот терпеливо сносят, а то отпадают не по одному, толпами, видя нашу слабость, и Бог ведает, с кем останемся. Что касается новостей краковских, то, на мой взгляд, они неверны, а если бы даже и верны были, то не примешивайте сюда меня, ибо не только о кардинальстве или митрополии не думаю, но часто плачусь на себя и за то, что епископом сделался, плачусь и на того (на князя Острожского), кто меня уговорил к этому, особенно видя, что на свете делается. О бланкетах ни о каких не ведаю, никому их ни на что не давал. Но и я кой-что

знаю и вернейшее, и если б можно было поверить бумаге, то указал бы вашей милости, что краковские новости неверны. Если кто сам себя за святого выдает, а нас порочит, то нет ничего тайного, что бы не сделалось явно. Знаю о себе только то, что я ничего не начинал, но если все пойдут за чем-нибудь добрым без вреда совести, то я бы не хотел позади оставаться. А что мне изволишь указывать на порядок иноверцев, то пусть он будет наилучший, но если не на правом основании, то все сором будет: и школы их, и типографии, и множество проповедников. От плодов их познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Как сам я их не жалею, так и вашу милость предостерегаю: лучше соединиться с правдивыми хвалителями бога, в Троице единого, нежели с явными неприятелями сына Божия».

Сильнее протестовал против всякого участия своего в унии Рагоза, который в марте 1595 года послал князю Острожскому любопытное известие о невинности Гедеоны Балабана: «В то время, как я обращал все внимание на обнажение этого скрытного фальша, случилось очень кстати, что в монастыре Слуцком нашел я владыку львовского, от которого, думаю, не встанет этот пожар, вредный церкви нашей восточной и всему православному народу. Он ничего не знает о предприятии других епископов, совершенно противен их злomu умыслу, присягу в том на Евангелии дал и обещал сторожить, что будет делаться в этом отношении в Польше и обо всем давать знать мне и вашей княжой милости. Вследствие этого счел я нужным уничтожить определение духовного суда, против него выданное. Особенно вашей княжой милости, как православному оку церковному, всяким способом надлежит выведывать об унии; остерегайтесь также этого змея райского и лисицы хитрой, о котором я вам говорил (Терлецкого)». Но иное, как видно, о Балабане писал Михаил к другому столпу церкви – Скумину, который отвечал ему 10 мая: «Утешило меня ваше письмо, известившее меня о вашем добром здоровье, но опечалило то, что вы пишете о делах церковных. И слепой видеть может, что всему причиною несогласие братское с владыкою львовским. Пусть справедливый судия крови и душ неповинных взыщет на тех, кто тому причиною. По совести, главным виновником можем признать патриарха нашего константинопольского, который такую смуту грамотами своими сюда внес, потому что владыка львовский, будучи в крайнем томлении от братства, не только должен был броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевного рад был бы на помощь взять. Если это сделалось по воле божией, то будет продолжаться, если же нет, то скоро отменится. Об этом я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь с этим делать и как делу помочь – ваша милость спрашивает моего совета, но Бог сердцевидец знает, что в этом деле совета никакого дать не могу: боюсь одного, чтоб ваше сопротивление не было тщетным. Причин тому вижу много, но бумаге поверять не хочу. Желал бы я очень с вашей милостию видеться и поговорить».

Скумин отказывал в совете, а Терлецкий и Потей действовали в Кракове у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что он хотел продать свою церковь папе и, возвратившись в Литву, потребовали свидания у митрополита, который и назначил это свидание в Кобрине 18 мая, но обманул опять. Тогда Потей и Терлецкий написали ему следующее письмо (20 мая): «Исполняя волю и письменный приказ вашей милости, как старшего нашего, приехали мы в Кобрин в пятое воскресенье по Пасхе, но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого от вас, не зная причины, почему ваша милость не изволил приехать, должны были мы разъехаться. Теперь мы посылаем к вашей милости и в письме своем не благодарим вас за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кем наибольшим, который знает об этом нашем съезде. Вспомните, с чем вы нас отправили и как там благодарно было принято, ибо все, чего хотел, в руках своих имеешь: привилегии, грамоты, банницею на печерского архимандрита Никифора Тура. Удивительно нам, что вы, сами об этом просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вам предложенною. Если бы мы знали, где вы находитесь, то сами поехали бы к вам, но мы не знали, куда нам к вам ехать, а потому просим, бросивши все, приехать как можно скорее к нам в Брест, как для своих дел, которые не терпят

отлагательства, так и для общих, если же не придешь, то нас погубишь, да и сам не воскреснешь, потому что это не с своим братом шутить».

Но митрополит не поехал, взял себе шестинедельный срок и опять написал Скумину (14 июня): «Послал я к вам слугу своего Григорья со всеми делами, о которых я получил теперь верные известия, то есть, что епископы луцкий, львовский, перемышльский, холмский, пинский согласились на унию церковную, на послушание папе и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имеют; и владыка владимирский также согласен на это. Грамоту королевскую, грамоту, в которой епископы выразили свое согласие на унию, и условия их я послал к вашей милости. Звали и меня для этого на днях в Брест, и грамота королевская ко мне была, но я без воли и совета вашей милости и собратии моей и позволения общего на это дело не решился, но взял себе на размышление шесть недель и, давши знать об этом вам и пану воеводе киевскому (князю Острожскому), обещал дать им ответ. Если б я согласился на унию, то король обещает за это большую ласку, за несогласие же – немилость и притеснение всему христианству; надобно будет оставить митрополию; новый митрополит уже готов – Терлецкий. Хотел бы я при всяких вольностях матку нашу церковь оставить, а не под ярмом каким-нибудь, только условия должны быть обеспечены грамотами». Скумин прислал страшный ответ, страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный как бесхитростный ответ скромного, честного человека, не имеющего стремлений выставляться на первый план: «Изволили вы меня уведомить о том, что началось от владык, в Короне Польской епископии свои имеющих, а началось то, пишете вы, без вашего соизволения. Но я получил известие от двора королевского, что после сейма краковского были у короля послы от всего нашего духовенства, показали королю письменное позволение вашей милости и грамоты верящие. Теперь вы у меня спрашиваете совета, что тут делать? Но трудно советовать о том, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совет мой тут был бы напрасен, на смех. Надобно было бы, по правде, прежде всего знать об этом людям нашего благоверия, и без ведома всех к таким великим и новым делам не приступать: вот почему я теперь совета моего вашей милости давать не могу, да и один в таком великом деле не сумею дать совета; придется мне, овце стада Христова, пастырства вашей милости, итти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда нас ведете, и за нас отчет давать будете».

Сильнее Скумина высказывал гнев свой на епископов князь Острожский, к которому Потей должен был писать умиловительное письмо (от 16 июня): «Если я так долго вашей милости ничего не писал, то причина тому одна та, что никаких верных известий еще у себя не имел, хотя в это время люди рассеяли о нас неверные слухи, будто мы уже к римской вере во всем пристали, мшу служить и опресноки употреблять согласились. Правда ли все это, сам ты, как пан мудрый и богобоязливый, рассудить можешь. Ибо если частному человеку, который только об одной своей душе печется, надобно хорошенько подумать, как бы душе своей вреда не причинить, то еще больше тем, которым не только свои, но и других людей души от Бога поручены, надобно стараться, чтоб не сделать чего-нибудь противного совести своей и людской. Итак, не извольте всему верить, хотя я и знаю, что немало слухов неверных до ваших благочестивых ушей о некоторых из нас доносят, будто мы постановляем что-то противное вере и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злого, но и доброго, однако мы так несчастны, что нас за отщепенцев и еретиков выдают и не допускают заботиться и думать о церкви Божией и ее покое, смотрят подозрительно на съезды наши и другие дела, церкви нужные. Удивительное дело! Всем еретикам всяких сект вольно съезжаться, порядок в соборищах своих устанавливать, наконец, не только против веры христианской, но и против религии Божией и превечной хвалы едиnorodного сына Божия сочинения выдавать и людей христианских от старой веры и хвалы Божией к своим проклятым ересям обращать; а нам, горьким епископам, которые неразрывное преемство имеют от Христа и апостолов, нельзя о церкви Божией промышлять и советоваться, чтоб не только нам самим можно было церкви свои и

веру православную в целости удержать, но и потомкам нашим что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имея еще благочестивых господарей и панов, патронов веры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное светило религии нашей без всякой лести признавать должны. Но где бы ваша милость, как пан и защитник наш милостивый, должен был нам помогать и побуждать ко всему доброму, тут, как слышно, немилостиво и неласково нас вспоминаешь. Но если отложивши гнев, внимательно рассмотришь дело, то думаю, что и сам нам будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письме посылаю, причем и сам охотно был бы, чтоб вашей милости объяснить, для чего это делаем, помня увещанье вашей милости, присланное мне в Брест, чтоб мы старались о соединении с римскою церковию и чтоб это соединение было без нарушения веры и религии нашей. Дай Бог, чтоб ваша милость и теперь, сохраняя то же желание, помог нам в этом деле. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гневом, но спокойным и умиленным смыслом прочитай условия унии; увидишь, что в них нет ничего нового, кроме календаря; но календарь не есть догмат веры, а только церемония, которую без нарушения совести церковь Божия может отменить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.